

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Л. Садоков

ВЕСЕЛЫЕ СКОМОРОХИ

Песенка про «бычка»

Небольшая сцена, залитая ослепительным светом юпитеров, гудела и взрывалась дробным перестуком каблуков. Казалось, все здесь сплелось в один неистовый, бешено вертящийся клубок:

И — и — эх, эх, эх!

Четыре парня-скрипача, одетые в красные атласные рубахи, держа свои скрипки как-то странно, у груди, торчком, лихо выпевали, пританцовывая и озорно улыбаясь.

Еще где же это видано,
Еще где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес,
Чтобы в середу-то масленица,
А в четверг уж разговленьеце...

«Скоморохи!» — восхищенно выкрикнул кто-то в зале. «Скоморохи! Скоморохи!» — зрители зашумели, придвинулись к сцене. И хотя давным-давно исчезло на Руси искусство скоморохов, было видно, что память о веселых бродягах-музыкантах, занозистых песенниках, жива.

Чтоб безрукий-то клеть обокрал,
Голопузому за пазуху наклал,
А слепой-то подсматривал,
А глухой-то подслушивал,
Безязыкий караул закричал,
А безногий в погонь побежал¹

Скрипачи, внезапно оборвав песню, низко поклонились и стремительно убежали за кулисы. Неистовые рукоплескания понеслись им вслед. А ведь это действительно скоморохи! И старинная песня «Бычок» с кратким, быстрым, простым по ритму напевом, когда-то бывшая в ходу у настоящих скоморохов, и напористость, с какой она была пропета, потешный текст, пронзительно однообразное пиликание скрипок — все свидетельствовало о давних традициях.

Вот только скрипки — как-то они не вязались со скоморохами. Всем известно, что скрипки — инструменты западного и сравнительно поздне-

¹ Песня «Бычок» впервые записана Н. Е. Пальчиковым, в 80-х годах XIX в. под Уфой. Сб.: «Крестьянские песни, записанные в селе Николаеве Уфимской губернии Н. Е. Пальчиковым», СПб., 1888, № 125. Перепечатана в кн.: Н. Ф. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, М.—Л., 1928, т. 1, вып. 2, стр. 169. Использована композитором Ю. Милутиным в оперетте «Девичий переполах».

го происхождения — на Руси появились приблизительно в XVII в., а скоморохи — на семь, а может быть, и более веков раньше. Во всяком случае, первое летописное свидетельство о скоморохах датировано концом XI — началом XII в. и связано с событиями 1068 г. На чем же они играли до скрипок, потешая народ? Существовал ли типично скомороший музыкальный инструментарий?

Здесь следует пояснить, что вызвавшее такой восторг выступление — не плод нашего домысла и не сцена из какого-нибудь спектакля на древнерусскую тему, а вполне самостоятельный, яркий и красочный номер этнографического концерта, состоявшегося в 1974 г. в заснеженной декабрьской Москве. Тогда здесь проходила научная конференция по вопросам народной инструментальной музыки и музыкального инструментария², в конце которой участникам и гостям был дан концерт силами народных непрофессиональных артистов. Они прибыли из различных уголков нашей великой Родины. Многие из них никогда до этого не видели Москвы.

Признаться, такое разноликое, разноязыкое «вавилонское столпотворение» встречается не часто. Величественные белобородые старцы-дудари из русских сел и черноглазые живые кавказцы, таинственные нганасанские шаманы и исполнительницы на флейтах Пана народа коми, гармонисты, волынщики, домбристы — все они воспевали свой край, свои традиции. Это был большой карнавал дружбы, фестиваль музыки, пения, танцев.

Особый успех в концерте, несмотря на то что каждый сольный или коллективный номер был отмечен ярким национальным колоритом, выпал на долю смоленских скрипачей — «скоморохов». Существовала какая-то особая связь между четырьмя музыкантами и зрителями. Будто исчезли сверкающая огнями сцена и полутемный переполненный зал, а была только бурлящая площадь, в центре которой прямо в толпе и вместе с ней пели, плясали, шутили, наигрывали на своих скрипках смоленские скоморохи.

И уже потом, после концерта, когда они, переодевшись в пальто и полушубки, шли, проталкиваясь сквозь толпу восторженных зрителей, к выходу, и каждый стремился чем-то — улыбкой, дружеским прикосновением, рукопожатием выразить одобрение и восхищение их искусством, вдруг прорвалось, выскочило (именно так — «выскочило», как Петрушка) в них то настоящее, скоморошье, извечное, что отличало некогда шумно-радостные, крикливые ватаги бродячих музыкантов. Смоленяне, выхватив из полушубков скрипки и уперев их в грудь, грянули такую залихватскую танцевальную мелодию, что сотни ног сами собой пустились в пляс. Так, в музыке и прибаутках скоморохи XX в. приблизились к дверям и исчезли в густом, сыпавшем тогда особенно щедро, снегу...

А на следующий день ученые, собравшись на свое очередное заседание, с большим интересом слушали доклад о современном народном искусстве скрипичной игры на Смоленщине³. Оказалось, что это очень старое искусство, уходящее в глубь веков. Его вполне можно назвать традиционным, а скрипку — русским народным музыкальным инструментом. Многие из народных скрипачей — потомственные музыканты, в репертуаре которых видимо-невидимо плясовых и песенных наигрышей. Их особенно охотно приглашают на свадьбы, потому что, как известно, ни одна свадьба не обходится без веселой музыки. Скрипичный ансамбль обычно состоит из двух-трех человек.

По окончании доклада разгорелись жаркие споры. Всех присутствующих занимало в общем одно: почему именно скрипка оказалась «ца-

² Организована Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР.

³ См.: Т. Казанская, О традиционном искусстве смоленских народных скрипачей, доклад на I Всероссийской научной конференции по проблемам народной инструментальной музыки (Москва, 1974).

рицей» веселых свадебных пиров и многих других народных увеселений? Почему не гусли, не балалайки, не домры? Или, скажем, не волынки или рожки? Какая «тайна» заключена в этом невесомом изящном инструменте?

Певучий звонкий голос?

Простота в обращении?

Мобильность?

Конечно. Но ведь этими качествами обладают и другие инструменты! Тогда почему скрипка — «царица»?

И вот тут ученым-музыковедам был предложен новый и неожиданный вопрос: «А что было до скрипки? Не унаследовала ли она традиции какого-либо родственного ей русского инструмента-предшественника?» Этого никто не знал. Вспомнили, правда, какие-то трехструнные скрипки, которые кто-то где-то когда-то видел, но в общем удовлетворительно-го объяснения не последовало. А ведь именно в этом и крылась разгадка скрипичной, а вместе с ней и скоморошьей тайны.

Гудок или скрипка!

Как известно, археологи свои раскопки начинают с дневной, как они говорят, поверхности, т. е. с самого верха раскапываемого объекта. Первый, самый верхний слой — этнографический концерт — в нашем музыкальном путешествии мы прошли. Второй слой относится к XVII в. Это время — роковое для скоморохов, время жесточайших гонений на них, кульминация репрессий, когда светская и духовная власть соединились в одном мощном противоскоморошьем ударе⁴, пришедшемся на самую середину века (указ 1648 г.) После массовых репрессий, совпавших по времени с процессом естественного отмирания искусства скоморохов, народные певцы, забавники, музыканты, плясуны не могли оправиться. Слово «скоморох», употреблявшееся все реже и реже, стало забываться, а сами «скоморохи доживали свой век как медвежатники, кукольники, ярмарочные увеселители и балаганщики»⁵. Добавим — и как музыканты. Это чрезвычайно важное добавление, поскольку скоморохи на всем протяжении своей истории были прежде всего музыкантами, а уж потом медвежатниками, кукольниками и т. д. Скоморохи и музыка — понятие неразрывное. Любая скоморошья сценка непременно связывалась с музыкой, игрой на музыкальных инструментах. Еще Нестор в своем «Житии Феодосия», когда слово «скоморох» было непривычным в русской литературе, называл их в одном случае «овы гусельные гласы испускающе» (т. е. гусярами, «гусельниками» позднейших документов), в другом — «органные гласы поюще» (т. е. исполнителями на органах, «органиками»), «в бубны биущем», «в сопели сопущем»⁶ и т. д. К тому же времени (XI в.) относится и слово «гудец»⁷, а в другом памятнике XIII в. есть выражение: «Или свирец, или гоудец, или смычек, или плясець... да отвергут»⁸. Во второй половине XVI в., и особенно в XVII в., когда скоморошество как историко-культурное явление, под влиянием новых социальных условий ушло в прошлое⁹, скоморохи все решительнее, все

⁴ См.: А. А. Белкин, Русские скоморохи, М., 1975, стр. 54.

⁵ А. Морозов, Скоморохи на Севере, Альманах «Север», Архангельск, 1946, стр. 228, примеч.

⁶ «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», СПб., 1858, кн. 3, отд. III, стр. 11, 26.

⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, СПб., 1903, т. II, стр. 933; А. Будилович, XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе, СПб., 1875, стр. 31.

⁸ И. И. Срезневский, Указ. раб., т. III, СПб., 1906, стр. 273.

⁹ Совершенно прав А. А. Белкин, полагая, что «их (скоморохов.— Р. С.) искусство родилось вследствие народной потребности и умерло, когда исчезла эта потребность». См.: А. А. Белкин, Указ. раб., стр. 23.

настойчивее развивают именно свое традиционное музыкальное искусство. В документах XVI—XVII вв. их называют «струнниками», «домрачями», «сопельниками», «гусельниками», «домерщиками». Неудивительно, что царские репрессии обратились в первую очередь против музыкальных инструментов скоморохов.

Вот ряд исторических документов неспокойного XVII в. В 1636 г. несколько нижегородских попов отправили на имя патриарха Иоасафа челобитную с описанием народных празднеств и игрищ, являющихся, по мнению духовенства, богопротивными и богомерзкими. Челобитчики просили известить эти безобразия. Рассадником негодных богу действий, по сообщению попов, явился Печерский монастырь: «медветчики с медведи и плясовыми псицами, а скомороси и игрецы с личинами и с позорными блудными орудии, з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелесми, и злые государь прелести бесовския деюще, пьянствующе, пляшуще и в бубны бьюще и в сурны-ревуще и в личинах хадяще, и срамныя в руках носяще, и ина неподобная деюще...»¹⁰

Неизвестно, была ли послана патриаршая «память» в Нижний Новгород, но совершенно неожиданно в сочинении Адама Олеария, относящемся к этому же времени, мы находим свидетельство о волне повальных обысков в домах москвичей на предмет выявления «бесовских гудебных сосудов» — музыкальных инструментов — и их уничтожения. Олеарий, секретарь голштинского посольства, трижды в 30-е годы XVII в. побывавший в Московии, так писал об этом:

«В домах, особенно во время своих пиршеств, русские любят музыку. Но так как ею стали злоупотреблять, распевая под музыку в кабаках, корчмах и везде на улицах всякого рода срамные песни, то нынешний патриарх два года тому назад сперва строго воспретил существование таких кабачьих музыкантов и инструменты их, какие попадутся на улицах, приказывал тут же разбивать и уничтожать, а потом и вообще запретил русским всякого рода инструментальную музыку, приказав в домах везде отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были... на пяти возах за Москву реку и там сожжены»¹¹.

Можно составить целый список челобитных и государевых указов, которые должны были укрепить пошатнувшуюся нравственность русских людей всех сословий. Но о каких массовых запретах национальных празднеств могла идти речь, если их поощряли высшие духовные лица, и не только поощряли, но и сами участвовали в них¹².

Исследователи скоморошества очень точно подметили связь между обострением классовой борьбы и резким увеличением количества исторических документов с упоминанием скоморохов. Видимо, народные волнения оказывались благодатной почвой, на которой расцветало искусство скоморохов. Совершенно прав А. А. Белкин, характеризуя скоморошество, как «бродильное начало в русской национальной культуре»,

¹⁰ Н. В. Рождественский, К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», М., 1902, кн. 1, стр. 24—27.

¹¹ «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием», М., 1870, стр. 344.

¹² Знаменитый монах Иван Неронов, известный своей борьбой со скоморохами, в 30-е годы XVII в. попал на игрище, устроенное в доме самого вологодского архиерея. Ретивый монах, пытавшийся помешать празднеству, был избит его участниками до полусмерти и выброшен на улицу. См.: «Материалы для истории раскола», М., 1875, т. 1, стр. 246—247.

которое сохранило «особый дух свободолюбия, мятежности, раскованности творчества...»¹³.

1648 г.— кульминация борьбы светской и духовной власти со скomorоxами. Именно в этом году произошло знаменитое Московское восстание, громким эхом отозвавшееся на севере (города Соли Вычегодская, Великий Устюг, Чердынь, Соли Камская), юге (Козлов, Воронеж, Курск, Чугуев) и в Сибири (Нарым и Томск). Восстание вспыхнуло в июне, а с октября по декабрь шла рассылка особо строгих царских указов.

В декабре 1648 г. белгородскому воеводе Тимофею Бутурлину была «писана» пространная грамота с подробным перечнем творящихся в городе и уезде «безобразий» (безобразий — с государевой точки зрения). В чем они состояли? Грамота обстоятельно отвечает на этот вопрос:

«Ведомо нам (царю Алексею Михайловичу.— *Р. С.*) учинилось, что... умножилось в людях во всяких пьянство, и всякое мятежное бесовское действо, глумление, и скomorошество со всякими бесовскими играми... Многие люди... прелесником и скomorоxом последствуют, на безчинное их прелещение сходятся по вечерам, и во всенощных позорищах на улицах и на полях, и богомерских скверных песней, и всяких бесовских игр слушают, мужесково и женсково полу и до сущих младенцев, и на кулашных боях меж собою драку делают, и на качелях колышутся вкруг, и на веревках... Сходятся многие люди мужесково и женсково полу по зорям, и в ночи чародействуют, с солнечного восхода первого дни луны смотрят, и в громное громление на реках и в озерах куплются, чают себе от того здравия, и с серебра умываются, и медведи водят, и с собаками пляшут, зерню и карты, и шахмоты, и лодыгами играют, и безчинное скакание и плесание, и поют бесовския песни, ...жонки и девки на досках скачут, ...клички бесовские кличут — коледу, и таусен, и плугу, и многие человецы неразумием веруют в сон, и встречу, и в полаз, и во птичей град, и загадки загадывают, и сказки сказывают небыльные, ...накладывают на себя личины и платье скomorошеское, и меж себя нарядя бесовскую кобылу водят»¹⁴.

Это, так сказать, констатирующая часть грамоты. А вот и постановляющая:

«А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и харн, и всякие гуденные бесовские сосуды, и тыб (*т. е.* Бутурлин.— *Р. С.*), те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того ото всего богомерского дела не отстанут и учнут впредь такова богомерскаго дела держатся... выб тех велели бить батоги... а объявятся в такой вине в третие и в четвертые, и тех, по нашему указу, велено ссылать в Украинные города за опалу»¹⁵.

В конце грамоты содержится прямая угроза самому воеводе: «А только ты по сему нашему указу делать не станеш, и тебе быть от нас в великой опале»¹⁶.

Такие же грамоты, некоторые слово в слово, были посланы в города Дмитров, Бежецкий Верх, Кострому, Галич, Солигалич, Вязьму и Тобольск¹⁷.

Спустя девять лет, в 1657 г., была обнародована «память» ростовского митрополита Ионы о запрещении скomorоxам и медвежьим «поводчи-

¹³ А. А. Белкин, Указ. раб., стр. 167.

¹⁴ «Описание Государственного архива старых дел, составленное инспектором Государственных архивов и членом разных ученых обществ П. Ивановым», М., 1850, стр. 296.

¹⁵ Там же, стр. 299.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. А. Белкин, Указ. раб., стр. 82.

кам» промышленять играми в Устюжском и Сольвычегодском уездах — один из последних актов, связанных с преследованием и полным запрещением скоморошества на Руси:

«Лета 7166 (1657.—*Р. С.*) октября в 23 день... велено на Устюге на посаде и в Устюжском уезде учинить заказ крепкой, чтоб отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б, и в домры, и в сурны, и в волынки, и во всякие бесовские игры не играли, и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблажняли; а буде такие люди впредь объявятся и указу сего святительского не послушают... а ему (т. е. митрополиту Ионе.—*Р. С.*)... про то ведомо учинится, и тем людем и скомрахом и медвежьим поводчикам быть от него святителя в великом смиренни и наказании без пощады и во отлучении от церкви Божии»¹⁸.

Самый последний документ — «Патриарший указ от 24 декабря 7193 года о запрещении чинить игрища в навечери рожества Христова также и в продолжение святок»¹⁹ — написан в 1684 г. специально для Москвы и содержит перечень рождественских и святочных обрядов и игр, подлежащих безусловному запрету.

Рис. 1. Русский инструментальный квартет XVII в. «Букварь» Кариона Истомина, 1692 г.

Замечательные исторические памятники! В них упоминаются и музыкальные инструменты скоморохов — домры, гудки, гусли, волынки, сурны, и дрессированные животные — медведи и собачки, и пляски, песни, игры с «харями»-масками, и «чародейства» на утренней заре и ночью. Нет только скрипачей со скрипками. Может быть, скрипки просто-напросто забыты, пропущены в перечне «богомерзских гудебных сосудов»? Может быть, они были известны под другим названием? Интересно, что говорят на этот счет азбуковники того времени, своего рода толковые словари?

Оказывается, слово «скрипица» (скрыпица) в конце XVI — начале XVII в. уже было известно, но значение его неопределенно — то ли гусли, то ли лира. Совсем не то! По-видимому, составители азбуковников не понимали (а это бывало частенько), что представляла собой скрипка. Но из каких-то источников знали, что это струнный инструмент.

Совсем иную картину мы наблюдаем в «Букваре», написанном в 1692 г. специально для сына Петра, царевича Алексея, иеромонахом московского Чудова монастыря Карионом Истоминым. На одной из

¹⁸ «Акты, собранные Археографической экспедицией», СПб., 1836, т. IV, № 98, стр. 138.

¹⁹ «Полное собрание законов Российской Империи», Собрание первое, СПб., т. II, стр. 647.

страниц этой книги, поясняя, что такое псалтырь, автор нарисовал целый инструментальный квартет, один из музыкантов которого играет на самой настоящей скрипке. Правда, трехструнной. При этом положение ее во время игры такое, какое мы наблюдали у наших смоленских скоморохов — ребром и торчком, у сердца.

О чем это говорит? Видимо, за какую-нибудь сотню лет, с конца XVI в. по конец XVII в. скрипка на Руси стала широко распространенным, даже, можно сказать — народным (к этому есть основания) инструментом. Она прошла путь от полной неизвестности ко всеобщему признанию. Случайно ли это? Сравнительный анализ показывает, что примеры быстрого приятия целым народом какого-либо «иноземного» музыкального инструмента имеются, но они редки и обязательно имеют под собой почву.

Сто лет... Много это или мало? В общем, конечно, это срок значительный. Но для такого музыкально-культурного явления, как бытование скрипки на Руси, это немного. Мы утвердимся в правильности этого постулата, если вновь вернемся к Адаму Олеарию.

Нужно прямо сказать, что неугомонному голштинцу повезло: он дважды видел скоморохов, дважды они, точнее, их искусство поражало его, дважды он рассказал о них и даже зарисовал их.

Первая встреча произошла в Ладогe.

«Здесь мы услышали,— пишет Олеарий,— первую русскую музыку, а именно в полдень 23-го с. м. (июля 1634 г.— *P. C.*), когда мы сидели за столом, явилось двое русских с лютней и скрипкой, чтобы позабавить господ (послов). Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Феодоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин. Ведь русские в танцах не ведут друг друга за руку, как это принято у немцев, но каждый танцует за себя и отдельно. А состоят их танцы больше в движении руками, ногами и бедрами. У них, особенно у женщин, в руках пестро вышитые носовые платки, которыми они размахивают при танцах, оставаясь, однако, почти все время на одном месте»²⁰.

Написав последнюю фразу, Олеарий нарисовал четырех скоморохов, два из них пляшут, два аккомпанируют на «скрипке» и «лютне». С первого взгляда ясно, что это никакие не скрипка и не лютня. Откуда чужеземцу было знать, что «скрипка» — это не скрипка, а похожий на нее гудок, а «лютня» — гусли?

Странное, между прочим, название — «гудок». Смысл, который мы вкладываем в слово «гудеть», совсем не тот, что был в старину. Тогда это слово означало игру на струнных музыкальных инструментах вообще, а «гудец», или «гудошник», — значит музыкант. На одной древнерусской миниатюре, где изображен пляшущий и играющий на гусях скоморох, надписано: «гуди гораздо».

Гудок — это трехструнный смычковый инструмент, в общем-то похожий на современную скрипку, только значительно меньше и без боковых выемок. А если сравнить инструмент с чем-либо, очень знакомым и близким нам, то крупный деревянный ковш, встречающийся в сельском быту, — вот, пожалуй, прототип гудка. Играли на нем кто как хотел: стоя, на ходу, бегом, в седле, прижав к коленям или к животу, или же, наоборот, держа в вытянутых руках — но только не у лица, под подбородком, как на современных скрипках. Легкий, небольшой с пронзительным звуком, гудок был подстать своим хозяевам — веселым, крикливым,

²⁰ Адам Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906, стр. 18—19.

иногда нагловатым скоморохам, готовым в любой момент оборвать выступление и бежать под суровым окриком государственного стража.

Где произошла вторая встреча Олеария со скоморохами — неизвестно: но, судя по рисунку, приложенному к главе о русских нравах, путешественник побстречался с ними в какой-то деревне, на околице, ставшей импровизированной сценой для большого представления с музыкой и пением. Тут и неуклюже переваливающийся с ноги на ногу танцующий медведь, и куклы, среди которых такие любимые народом персонажи, как длинноносый Петрушка, цыган и лошадка, и два бородатых, распевających под аккомпанемент гудка и тяжелых больших гуслей, музыканта.

Вероятно, эту картинку, как, впрочем, и предыдущую, можно долго и с любопытством разглядывать, нарисовав в своем воображении целую красочную, наполненную звуками и голосами, сцену. Как это ни заманчиво, мы все же не станем отвлекаться, а пристально всмотримся в гудок. На боковых его стенках выемки, как у скрипки! Что же это такое: гудок или скрипка?

Это гудок, но сделанный уже не без влияния скрипичной формы. Скрипки еще нет, но и классические очертания гудка начинают видоизменяться. И пусть Олеарий называет этот инструмент по-европейски «скрипкой», нарисовать гудошника с гудком под подбородком, точно это заправский скрипач со скрипкой, путешественник решительно не мог.

Сопоставив обе иллюстрации из сочинения Олеария, можно с уверенностью утверждать, что в первой половине XVII в. гудки древней грушевидно-удлиненной формы сосуществовали с гудками, очертания которых напоминают скрипку. Были ли оба эти явления — гудошная и скрипичная культура — родственны? Без сомнения. Более того, первая, в силу особых исторических причин, предопределила появление второй. Гудошники — скоморохи, теряя, по мере того как царские и патриаршьи указы входили в силу, свои инструменты, приняли скрипку в скоморошью семью, почитая ее родственной гудку. Конечно, это не было проявлением какой-то особой тактики скоморохов, особой изворотливости народных музыкантов. В России — и это весьма убедительно показал Н. Ф. Финдейзен²¹ — с конца XVI в., а особенно в первой половине XVII в., возросла потребность в светской и церковной музыке. Исторические документы того периода прямо-таки пестрят именами зарубежных музыкантов, приезжавших в Россию со своими органами, клавикордами и др. Этот процесс был частью общего подъема, обновления русского общества XVII в., зарождения буржуазных связей в недрах старого феодально-крепостнического строя.

Вот почему скрипки конца XVII в., аналогичные скрипке из «Букваря» царевича Алексея, были, как и гудки, трехструнные. Вот почему манера игры на них отличалась половинчатостью — не внизу, у колена, как при игре на гудках, и не у подбородка, как делают, играя на скрипках, а где-то на груди, торчком. Вот, почему скрипка приняла эстафету у опального гудка и пронесла через столетия традиционное музыкальное искусство скоморохов.

РЧДН Гораздо

Рис. 2. Древненовгородская миниатюра с изображением скомороха-гусляра (Заставка Новгородского Евангелия Апракос, 1358 г.)

²¹ Н. Ф. Финдейзен, Указ. раб., вып. 3.

Мы продолжаем наше музыкальное путешествие и погружаемся в следующий, третий, слой. Сразу же перед нами встает вопрос: чем, в самом деле, прогневили скоморохи христианскую церковь? Казалось бы, что тут худого: ходят по деревням, селам и городам веселые люди, развлекают, потешают трудовой народ песнями да прибаутками, танцующими медведями и собачками, разыгрывают кукольные спектакли, пляшут, пиликают на гудках. Почему же духовенство столь немилостиво к скоморохам?

Вся история скоморошества в христианской Руси есть отрицание его православной церковью, потому что скоморохи — явление куда более древнее, чем христианство, пришедшее сюда в 988 г. Скоморохи — это древнейших, языческих культов славян.

Сейчас уже доказано, что со времени принятия христианства Русь, по крайней мере в течение нескольких веков, пребывала в состоянии двоеверия. Известно, например, что в Смоленске христианство установилось только в 1013 г., в Муроме и того позже. В «Житии Авраамия Ростовского» читаем, что языческий идол стоял в Чудском конце в Ростове в XI в.²² Даже в XVII в. пережитки язычества беспокоили духовенство. Известно также, что они существовали в религиозном сознании людей вплоть до XX в.

Более половины всех свидетельств о скоморохах связано с искоренением язычества. С гневом писал о скоморохах Нестор. Буквально клеймит их «Поучение о казнях божиих», включенное в «Повесть временных лет».

«Но этими и другими способами вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что они дают друг друга, являя зрелище бесом задуманного действия, — а церкви стоят пусты; когда же приходит время молитвы, мало людей оказывается в церкви»²³.

Вот в чем, стало быть, дело: «а церкви стоят пусты». Этот лейтмотив проходит красной нитью через все порицающие скоморохов документы. Мысль церковников предельно ясна: тот, кто верит в бога, — ходит в церковь и, следовательно, живет по-христиански — никогда он не ворвется во двор князя, не разграбит его добро, не перебьет слуг, не посадит на княжение своего избранника. Именно это красноречиво подкрепляет высказанное выше соображение о связи «волны» противоскоморошских указов с народными волнениями.

Что же вмнялось в обязанность «добрым христианам», какой образ жизни предлагался?

«Аще хочеши прохладитися, изыди на предверия храмины твояе и виждь: небо, солнце, луну, звезды, облака ови высоци, овиже нижайше, и в сих прохладжайся, смотря их доброту и прослави тех творца Христа Бога.

Аще хочеши еще прохладитися, изыди на двор твой, и обойди кругом храмины твояе, сице же и другую и прочая, такоже и двор твой, и аще что разсыпая, или пастися хочет, созидай, ветхая поновляй, неутверженная укрепи, прах и гной згребай в место, да ти к плодоносию вещь угодна будет.

²² М. Н. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси, М., 1955, стр. 76.

²³ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, ч. I, стр. 314. (Перевод Б. А. Романова).

И аще хошеши вяшше прохладитися, изыди во оград[твой, и размотри сюду и сюду, яже к плодоносию и яже к утвержению сотвори.

Или аще достало ти есть, изыди на поле сел твоих и вижь нивы твоа, умножающа плоды ово пшеницею, ово ячмень и прочая, и траву зеленеющую, и цветы красныя, горы же и холми, и удолия и езера, и источники, и реки и сими прохладжайся...» и т. д.²⁴

Нет, не по душе было русскому человеку это пресное времяпрепровождение, это любование «хороминами», которых у него не было, цветами и луной. Ему были нужны деятельные, причем коллективные развлечения, разнообразные, терпкие, красочные, как сама жизнь. Ничего нет удивительного, что все на Руси — от мала до велика — любили скоморохов, защищали и укрывали их. Даже высокопоставленные светские лица и цари нередко вступали в борьбу, открытую или тайную, с духовенством, оберегая скоморохов от слишком рьяных последователей христианского смирения. Да и сами «веселые», будучи не робкого десятка, умели постоять за себя.

Мы уже упоминали Ивана Неронова, наиболее целеустремленного борца со скоморохами, будущего зачинателя раскола. Его вологодские «подвиги» — не единственные. В Нижнем Новгороде, куда молодого проповедника забросила судьба, «Иоанн ввечер позден и в полунощи хождаше по стогнам града, и сражахуся с бесовскими слугами, и повелеваше учеником своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати. И тако сражающеса, многи раны от скомрахов, бесовских слуг, приемляше Иоанн и ученицы его, и носяще страдание на теле своем, яко некий дар, с радостию, кровию обагрени, еле живы в дом возвращахуся»²⁵. Ревнитель христианского смирения настолько надоел нижегородскому воеводе Федору Шереметеву, что тот однажды велел привести его в съезжую избу «и жезлием бити по обнаженным ногам», потом посадил в тюрьму, а «на выю и на нозе» одел цепи.

Другой церковный деятель — протопоп Аввакум, бывший, кстати, последователем и, если можно так выразиться, учеником Неронова, в своем «Житии» рассказал, как он «по Христе ревнуя», сцепился однажды с группой странствующих скоморохов, разогнал их, причем «и хари и бубны изломал на поле один у многих и медведей двух великих отнял — одного ушиб и паки ожил, а другога отпустил в поле». Каково же было изумление Аввакума, когда его вместо одобрения и награды «Василий Петрович Шереметев пловучи Волгою в Казань на воеводство взяв на судно и браня много... велел... бросить в Волгу...»²⁶ (Настоящая война!)

А в 1674 г. в Волхове возникло целое судебное дело по обвинению воеводы Петра Елагина митрополитом Сарским Павлом во вмешательстве в духовные дела. Воевода, по словам митрополита, грозно допрашивал в приказной избе священников, не позволял им мешать проведению народных игр и кулачных боев, называл попов и игумнов не иначе, как бунтовщиками и блудниками, и сам поощрял народные празднества и участвовал в них²⁷.

Иногда скоморохи, доведенные до отчаяния притеснением, а нередко и прямым грабежом властей, жаловались непосредственно самому царю. И это тоже не было случайностью. Сохранилась интересная челобитная, датированная 1633 г., поданная четырьмя скоморохами царю Михаилу Федоровичу:

²⁴ В. Жмакин, Митрополит Даниил и его сочинения, ч. II. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1881, кн. 2, стр. 566.

²⁵ «Материалы для истории раскола», т. I, стр. 261.

²⁶ «Житие протопопа Аввакума...», М., 1960, стр. 62.

²⁷ Л. Шептаев, Русское скоморошество в XVII веке, «Ученые записки Уральского государственного университета», вып. VI (филологический), Свердловск, 1949, стр. 59.

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси, бьют челом... скоморохи: Павлушка, Кондратьев сын, Зарубин, да Вторышка Михайлов, да Конашка Доментиев, да... Федька, Степанов сын, Четотка... В нынешнем, Государь, во 141 (1633.—*Р. С.*) году мая в 25 день, пришли мы, Государь, в твое дворцовое село Дунилово для своего промыслишку и с ходьбы к... Ондрию (староста села.—*Р. С.*) явились и того ж, Государь, числа, он Ондрей, нас сирот зазвал к себе на двор, и зазвав запер нас в баню, и заперши вымучил у нас сирот, у Павлушки семь рублей, а у Федьки двадцать пять рублей, да Артюшкиных денег пять рублей... Царь Государь, смилуйся, пожалуй»²⁸.

Неизвестно, чем кончилась эта история, но факт смелого обращения жалобщиков к царю примечателен.

Светская власть, осуждая скоморохов, не заходила столь далеко, как духовная. Главная инициатива в искоренении скоморошских действий принадлежала церкви. Духовенство было исполнено решимости довести дело до конца. И осмеливалось даже упрекать царей в пристрастии, симпатиях к скоморошеским действиям.

Известно, что Иван Грозный содержал целый штат придворных скоморохов. Зная о шумных, скандальных оргиях царя в Александровской слободе, проходивших с участием множества скоморохов, князь Курбский обвинял Грозного, что тот собирает «скоморохов с дударями и богоненавистными песнями». А митрополит Иоасаф, современник Стоглавого собора (1551 г.), даже молил царя: «Бога ради, государь, вели их извести, кое бы их не было в твоём царстве»²⁹.

Соглашаясь на словах с требованием духовенства запретить скоморошьи действия, царь и высшие чины государства, тем не менее, не мыслили праздников без скоморохов. Ведь даже и Павлушка Зарубин «со товарищи», у которых стражи порядка силою отняли деньги, были не простые скоморохи, а дворовые князей Шуйского и Пожарского. Неудивительно, что их несказанно возмутило самоуправство сельского старосты, на которого они и пожаловались прямо царю, у которого, конечно же, по слухам, тоже должны были быть свои тайные дворовые потешники.

Количество примеров безрезультатной в общем-то борьбы духовенства со скоморохами можно намного увеличить³⁰. Почти девять столетий понадобилось церковной администрации, чтобы прийти к выводу, — ошибочно и наивному, — что «война» будто бы окончилась победоносно. Не тут-то было! Народ по-прежнему, читаем мы в одном документе, «тек к скоморохам, аки крылати», и во «множе собирався там, куда звал его гуслими и плясци и песнями и свирельми»³¹. Советский исследователь русского скоморошества А. А. Белкин очень точно выразился на этот счет: «Многовековая ярость церковников против скоморохов — это косвенное свидетельство слабости христианского проповедника по сравнению со скоморохом»³². Скоморошество, как явление русской культуры, вовсе не было уничтожено указами 1648 г., оно ушло в прошлое непобежденным. «Они (скоморохи. — *Р. С.*) исчезли с лица земли, — пишет А. Морозов, — не столько в силу царских указов и преследований, сколько в силу изменившихся социальных условий, под напором новой культу-

²⁸ В. Борисов, Описание города Шуи и его окрестностей, М., 1851, стр. 451—452

²⁹ «Стоглав», СПб., 1863, стр. 311.

³⁰ Характерен, например, случай, происшедший в 1648 г. с Гаврилой Малышевым, выборным от г. Курска на земском соборе в Москве. Весь город ополчился на Малышева, когда стало известно, что он «ославил» городские празднества с участием скоморохов. Гнев курян был настолько силен, что Малышеву пришлось искать защиты у царя.

³¹ В. И. Жмакин, Русское общество XVI в., СПб., 1880, стр. 51.

³² А. А. Белкин, Указ. раб., стр. 57.

ры. Они исчезли, как исчезали пережитки язычества и патриархального бытового уклада»³³.

А раньше, в самый разгар борьбы, цитаделью, охранявшей скоморохов, был Новгород.

Господин Великий Новгород

История этого города-государства славна и захватывающа. Неумное свободолюбие, крепкие стены Кремля, шумное вече со стозвонным колокольным гудом, широкие, точно половодье, былины о подвигах и приключениях Василия Буслаева и Садко, буйные кулачные бои, уникальное Остромирово евангелие, одухотворенные лики на иконах и разноцветные миниатюры, берестяные грамоты — вот далеко не полный, мозаичный, портрет Новгорода. Но даже и он бездушен, если не упомянуть музыки. А без нее новгородцы не мыслили и дня.

Утро начиналось с колокольного звона. Рубили ли дом, тянули ли сети с богатым уловом, ткали ли одежды — звучала песня. Собирались новгородцы в военный поход, на охоту — гремели трубы, а если где-нибудь на площади или в доме богатого горожанина собирались скоморохи, то музыка, смеху и песням не было конца.

Даже в былинах, этих спокойных эпических сказаниях, действуют лица, либо одаренные музыкальным талантом, либо профессиональные скоморохи. Сам колорит новгородских былин — усмешливый, бойкий — иной, чем у киевских.

Как во славном, во Великом Ново-городе
Жил Буслай да девяносто лет,
Девяносто лет, да зуба во рту нет...

Эта деталь — «да зуба во рту нет» — заставляет слушателя улыбнуться, почувствовать себя меж людей простых, земных, быть с героями былин «на ты».

Кто были авторы былин? Сочинил ли какую-либо из них один человек, или это продукт коллективного творчества, разделенного притом во времени, — неизвестно. Но всех исследователей, когда-либо изучавших былины, волновал этот вопрос. Конечно, установить сейчас имя автора представляется делом нереальным. А вот выяснить — к каким слоям населения или к какой профессии он мог принадлежать, — занятие далеко не праздное.

Было замечено, например, что в устном поэтическом творчестве русского народа отсутствует образ скомороха-разбойника, грабящего или убивающего простой народ. Наоборот, веселые скоморохи всегда на стороне народа, они поборники добра и справедливости, готовые прийти на помощь попавшему в беду человеку. Скоморохи, по данным фольклора, участвуют в празднествах, они играют на всевозможных музыкальных инструментах, поют и пляшут.

Первым из русских ученых, кто высказал предположение об участии скоморохов в создании былин, был А. Н. Веселовский³⁴. Это чрезвычайно интересное наблюдение было сделано на основе анализа былинных сюжетов, однако ценность его снижена разработанной А. Н. Веселовским в 70-х годах прошлого столетия теорией заимствования³⁵. Именно заимствование, считал исследователь, сформировало русское народное

³³ А. Морозов, Указ. раб., стр. 229.

³⁴ А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, СПб., 1883, ч. VI—X.

³⁵ А. Н. Веселовский, Разыскания в области..., особенно 2-я глава VII части «Святоточные маски и скоморохи», стр. 129—130; В. Е. Гусев, А. Н. Веселовский и проблемы фольклористики, «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XVI, вып. 2, М., 1957, стр. 123.

творчество. А поскольку скоморохи явно, по мнению А. Н. Веселовского, нерусского происхождения, то они и есть авторы «захожих» мотивов в былинах.

Первый шаг всегда труден. Однако мысль об авторском участии скоморохов в создании былин оказалась настолько плодотворной, что спустя несколько лет другой русский фольклорист, В. Ф. Миллер, активно поддержал и развил эту точку зрения³⁶. Впоследствии к ней присоединился советский исследователь А. Морозов, предположивший, что скоморохи создавали не основной корпус былины, а только зачины или запевы, а также исходы³⁷. В наши дни выяснилось, что авторами некоторых памятников русского фольклора были скоморохи. Это убедительно доказано анализом текста и музыки этих памятников. В качестве объекта исследования был взят сборник песен Кирши Данилова. А. Горелов исследовал текстовую часть песен и пришел к заключению, что песни были репертуаром одного певца-скомороха³⁸. В. М. Беляев, проанализировав музыкальную ткань песен, подтвердил вывод А. Горелова³⁹.

В Новгороде скоморохов, судя по древним писцовым книгам, было довольно много. Следует учесть, однако, что в писцовые книги вносились только профессиональные скоморохи. А вместе с непрофессиональными общее число их, следовательно, было еще больше. Народ любил своих артистов: они были неременными участниками шумных народных праздников, без гусельной и гудошной игры, плясок, шуток и прибауток не обходилось ни одно мало-мальски значительное событие в городе. Да и как не любить было новгородцам своих скоморохов, коль в каждом доме жил если не скоморох, то любитель музыки и песен, а то и просто мастерской, который своим топором мог сработать гудок или гусли.

Озорная улыбка скомороха ворвалась даже в интимную семейную жизнь. Здесь позубоскалить, а при случае и заработать можно было вволю. Былина о госте Терентьище прямо-таки полнится гуслирным звоном и веселым смехом.

Садились на лавочки,
Заиграли в гусельцы,
Запели они песенку:
«Слушай шелковый мех,
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентий гость,
Что про тебя говорят!...»⁴⁰

Развязка этого музыкально-песенного анекдота известна. Неверная жена Терентия была разоблачена и наказана, а скоморохи «за правду великую» получили от Терентьища «сто рублей».

Долгая и громкая музыкальная слава сопутствует Садко — гуслиру и песеннику, побывавшему на дне морском. Этот герой неповторим, как неповторим взрастивший его Новгород. Садко — профессиональный музыкант, и в этом смысле он достойный сын скоморошьего племени⁴¹.

³⁶ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897, стр. 22—64; т. III, стр. 27—28.

³⁷ А. Морозов, Указ. раб.

³⁸ А. Горелов, Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения», «Русский фольклор», т. VII, М.—Л., 1962.

³⁹ В. М. Беляев, Сборник Кирши Данилова. Опыт реставрации песен, М., 1969.

⁴⁰ «Песни, собранные П. В. Киреевским», М., 1863, вып. V, стр. 59.

⁴¹ Н. Ф. Финдейзен справедливо, на наш взгляд, называет Садко профессиональным скоморохом. Знаменитый гуслир, по объяснению ученого, зарабатывал деньги своим искусством — черта, характерная для профессионалов. См. Н. Ф. Финдейзен. Указ. раб., стр. 110.

Как во славном Нове-городе
Был Садко, веселый молодец;
Не имел он золотой казны,
А имел лишь гусельки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко,
Спотешал купцов, людей посадских ⁴².

Садко неразлучен с гуслиями. Это поистине народный музыкальный инструмент, он — друг, хлеб и жизнь музыканта. С гуслиями не страшно пойти в гости к самому морскому царю, в холодную зеленую пучину. Ах, красно пел и играл Садко! Репертуар его богат и разнообразен, что неоднократно отмечается былинами:

Играет-то Садко в Нове-городе,
А выигрышь ведет от Царя-града... ⁴³

Эта черта выдающихся музыкантов — знать не только свои, местные напевы и наигрыши, но и иноземные, была свойственна и новгородским, и киевским артистам.

Когда археологи Новгородской экспедиции приступили в 50-е годы к раскопкам, они, конечно же, многое знали о древнем Новгороде. Летописи, церковные книги, былины, иконы, миниатюры, карты, исследования, — все или почти все было известно. Знали ученые и о Садко, и о Терентьище. И о скоморохах. И о гусях. И о гудках.

Не знали они только, что участок древнерусского города площадью 9000 м² скрывает под собой Неревский конец с тремя улицами — Великой, Холопьев и Кузьмодемьянской, что предстоит, перебрав руками 60 000 м³ земли, раскопать 1150 построек, из них 500 жилищ; найти деревянные мостовые, инженерные сооружения, терема, мастерские и лавки, берестяные грамоты, несколько десятков тысяч предметов, из них деревянных и хорошо определимых 20 000, а совершенно целых 6256 ⁴⁴.

Целый мир деревянных вещей открылся глазам археологов. Они утверждали даже, что к известной всему миру периодизации человеческой истории — каменному, бронзовому и железному векам — следует добавить еще один век — «деревянный». Новгородские дома и городские укрепления, мостовые и водопроводы, корабли и сани, машины и станки, посуда, мебель, сельскохозяйственный инвентарь и даже игрушки — все делалось из дерева 27 пород: сосны, ели, можжевельника, дуба, ясеня, клена, березы, липы, ольхи и т. д.

Каждая вещь, являвшаяся миру из глубины веков, была сенсацией. Находили лыжи или шляпу — восторгу не было предела, берестяное письмо — вся экспедиция проникалась научной значимостью находки. Бочки, седла, рыболовные крючки, ложки, гребни — все переносило в давно отшумевшие столетия, заставляло мысленно видеть ушедших людей, слышать их голоса, смех, песни.

Фантазии археологам не занимать. Их воображение не знает границ. Еще до раскопок они скажут, что они найдут, а что — нет. Но и в этом случае действительность опрокинет их предвидения. Ну, кто бы мог подумать, что найдется шляпа? Хорошая такая, плетеная шляпа типа канотье. Можно также ручаться, что ни один археолог никогда не назовет в перечне предполагаемых находок музыкальный инструмент. Уж больно это несбыточная вещь. Редкая. Почти невозможная.

Кроме того, конструкции их порой настолько неожиданны или так похожи на обыкновенные, всем известные вещи, что приходится разводиться руками и гадать: что это — игольник, т. е. футляр для иглока, или приспособление для доения животных, или флейта?

⁴² В. П. А в е н а р и у с, Книга былин, СПб., 1885, стр. 243.

⁴³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», М., 1861, ч. I, стр. 369.

⁴⁴ Б. А. Колчин, Новгородские древности, Деревянные изделия, М., 1968.

Рис. 3. Гудок из археологических раскопок древнего Новгорода

Никто из археологов никогда не держал в руках гудка, не видел и не слышал его, и не мудрено: он давным-давно исчез из музыкального обихода. Поэтому ничего нет удивительного, что, когда из развала дома, сгоревшего, как было точно впоследствии установлено, в мае 1368 г., извлекли тридцатисантиметровой длины плоский ковш с короткой широкой ручкой, вместо бурного изъявления радости наступила выразительная пауза... Что это за штука? Ковш? Но почему на ручке три сквозные дырочки? Для подвешивания? Странно...

Говорят, что всякое новое — хорошо забытое старое. Можно спорить об истинности этого афоризма, но в данном случае он уместен. Руки археологов держали древнерусский трехструнный гудок более чем шестисотлетнего возраста⁴⁵. Впоследствии музыковеды скажут, что это — «находка века».

пергаментъ скучать на сви
ньихъ верхами сразнымъ
музыка игудками

Рис. 4. Скоморохи, играющие на гудке и на волынке (с лубочной картинки XVIII в. «Семика и масленица»)

Правда, не было струн и смычка, — они не выдержали напора веков, исчезли. Важно другое: когда Адам Олеарий наслаждался звуками ладожского гудка, новгородский пролежал в земле без малого уже 300 лет. Может быть, некогда на нем играл скоморох?

Тем временем древний Новгород, точно добрый дедушка Мороз, продолжал осыпать археологов необычными дорогими подарками. То нашли деревянный водосток, то берестяное письмо мальчика Онфима, то крюк для одежды, то колесо от телеги, — много всякого добра. И музыкального тоже. Вслед за первым гудком появился второй, тоже деревянный, тоже трехструнный, тоже целый. Но куда как древнее — XII века!⁴⁶

А потом... потом «полезли» гусли. И это было вовсе необыкновенно. Будущая наука — музыкальная археология, — сама того не ведая, гребла, что называется, богатства лопатой.

Нет, новгородские гусли не украшались изумрудами и слоновой костью. И не изготовлялись из каких-то особо ценных, заморских пород

⁴⁵ Б. А. Колчин. Указ. раб., стр. 87, табл. 83, 2.

⁴⁶ Там же, табл. 81, 6; 82, 4.

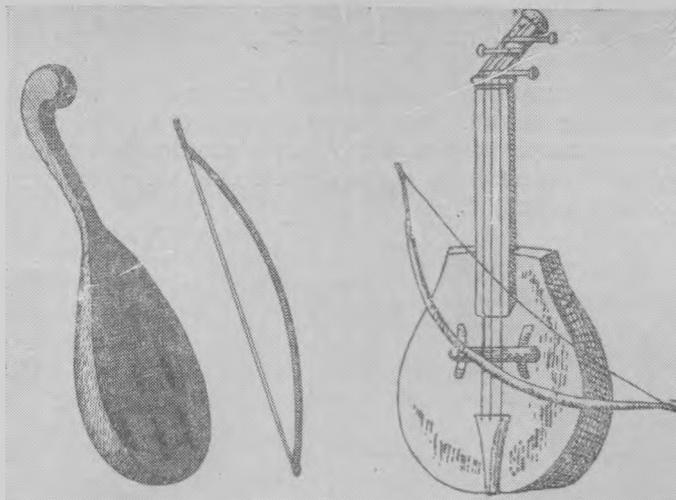

Рис. 5. Русские гудки XVIII в. Слева — псковский гудок

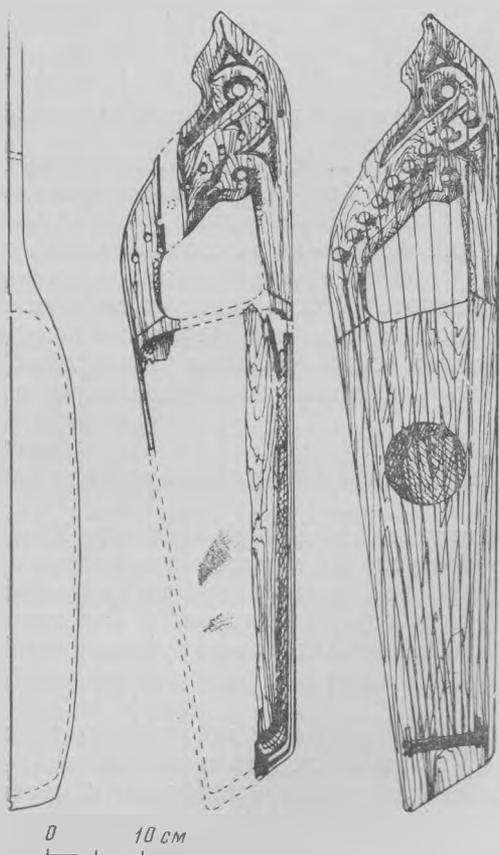

Рис. 6. Девятиструнные гусли из археологических раскопок древнего Новгорода (рисунок)

дерева. Гусляры брали хорошо известные им ель или сосну, тщательно сушили чурбаки, кололи их, резали, тесали, долбили, сверлили — и гусли готовы.

По внешнему виду они напоминают плоское узкое корытце, слегка зауженное с одного конца. Отсюда, из струнного пучка, струны веерообразно тянулись к широкому окрылку, где и наматывались на колки (они, в свою очередь, вставлялись в сверленные сквозные отверстия. Позднее нашлись и самые колки) ⁴⁷.

Рис. 7. Новгородские миниатюры с изображениями шлемовидных гуслей XIV в.

«Золочены струночки» не отыскались. Может быть они дорого стоили и их не выбрасывали; может быть они делались из жил — тогда они сгнили. Во всяком случае, кое-где находились мотки кусковой, по 30—40 см длиной, бронзовой проволоки — не заготовки ли это для струн ⁴⁸? Когда новгородские гусли реконструируют, бронзовую проволоку (очищенная, она блестит, словно золото) можно попробовать в качестве струн.

Тень Садко, казалось, витала над Перевским концом. Из черной слежавшейся земли, полной всевозможных и разновременных обломков, обрывков, кусочков, были извлечены пять гуслей: трое почти целых и двое в обломках.

А потом опять два гудка! ⁴⁹

И еще две свирели, одна с четырьмя, а другая с тремя игровыми отверстиями! ⁵⁰

Одиннадцать инструментов! Целый «оркестр» XI—XVI веков!

Такого «музыкального успеха» мировая археология еще не знала. Что особенно показательно, все музыкальные инструменты найдены в ничем не примечательных домах рядовых горожан. Это значит, что музыкальным искусством были охвачены широчайшие слои населения, что умение играть на гусях, гудках и флейтах было частью семейного и общественного быта.

Яркие музыкальные способности новгородцев подогревались к тому же повсеместным умением мастерить музыкальные инструменты. Деревя кругом было предостаточно, и новгородцы с малых лет всё — дома, мебель, хозяйственный инвентарь — умели делать сами. И «богомерзкие гудебные сосуды» тоже. В одном из домов археологи нашли даже гусли, которые неведомый мастер не успел доделать.

⁴⁷ Б. А. Колчин, Указ. раб., стр. 85—86, рис. 77, табл. 81, 1, 2, 4; табл. 82, 1—3; табл. 83, 1, 4, 5—8; табл. 84, 3.

⁴⁸ Там же, стр. 86.

⁴⁹ Там же, стр. 86—88, табл. 81, 3, 7; табл. 82, 5.

⁵⁰ Там же, стр. 88, табл. 84, 1, 2.

Теперь новгородские находки экспонируются в музеях⁵¹. Очень интересно наблюдать, как смотрят на все эти гусли, гудки и флейты музыканты. Они прирастают к стеклянной витрине, глаза у них горят, и заветный гудок — таинственный спутник скоморохов — вот-вот окажется в их руках. Другие заглядывают сбоку, подлезают под витрину снизу, стараясь увидеть, рассмотреть, понять, вдохнуть терпкий, ни на что не похожий аромат столетий. Наделенные сильным воображением, мысленно прижимают гудок к бедру, пальцы их произвольно складываются, как если бы они держали смычок, сейчас он коснется струн и...

Ничего не произойдет. Подлинные новгородские гудки и гусли пока не могут петь и звенеть. Те, что выставлены в музеях, — копии. А настоящие инструменты спят в... воде. В специальных аквариумах. Они потому дошли до нас целыми, не разложившись, что «мокли» во влажной новгородской земле, на глубине 5—8 м, много сотен лет. И промокли настолько, что ни один древолюбивый микроб или иная болезнь не могут пробиться к ним, поранить и уничтожить. Вода — лучшее средство от забвения, небытия. Извлеченные из влажного грунта и оставленные сушиться на воздухе, деревянные предметы немедленно гибнут. Вот и ждут гусли звончатые и богопротивные гудки часа, когда придет к ним побывавший в царстве морском и знающий таинство возврата гуслия Садко и возьмет их, и выведет на сушу, и сыграет на них и споет.

Рис. 8. Царь Давид с гуслими. Скульптура Покровской церкви во Владимире, XII в.

«Гуди гораздо!»

Ответный зов пришел неожиданно быстро.

Есть на далеком Урале, в Пермской области, с. Сива. Трудновато добраться до него. Может быть поэтому Сивинский район и славится фольклорной заповедностью. Но не только поэтому.

В стародавние времена переселяли сюда крестьян из центральной России, в том числе и скоморохов. Современные жители — потомки тех переселенцев. Свято берегут они обычаи, песни, музыку дедов и прадедов своих. Здесь можно увидеть, услышать, узнать то, что забыто, исчезло в других местах. Вот и едут сюда знатоки и любители фольклора изучать старину.

Ответный зов пришел именно отсюда, из с. Сива.

Как-то раз, еще до того как Сива стало знаменитым, один молодой фольклорист взволнованно и сбивчиво поведал автору этих строк, будто где-то на Урале, в каком-то сельце, «творится невообразимое»: там процветает гудошный промысел. Селяне, мол, сами делают гудки, сами и играют на них. Я не поверил. Мой собеседник, однако, уверял, что местный старожил, который рассказал ему об этом, клялся всеми богами, что так оно и есть на самом деле.

Микроб беспокойства вселился в мою душу. Подумать только, гудок, этот национальный русский музыкальный инструмент, вечный спутник веселых скоморохов, «богомерзкий гудебный сосуд», чье название не

⁵¹ В Москве: в Государственном историческом музее и Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки; в Новгороде в Историко-архитектурном музее-заповеднике.

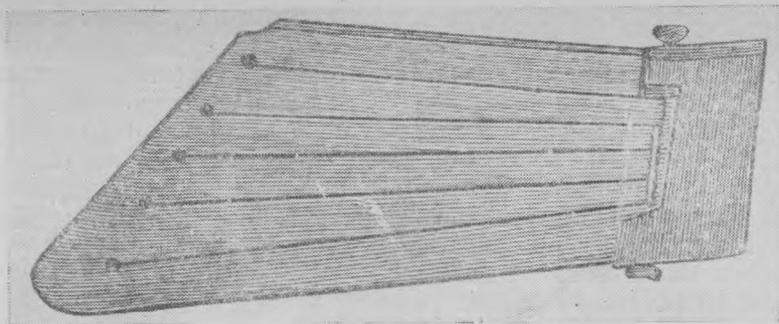

Рис. 9. Русские пятиструнные крыловидные гусли, XVIII в.

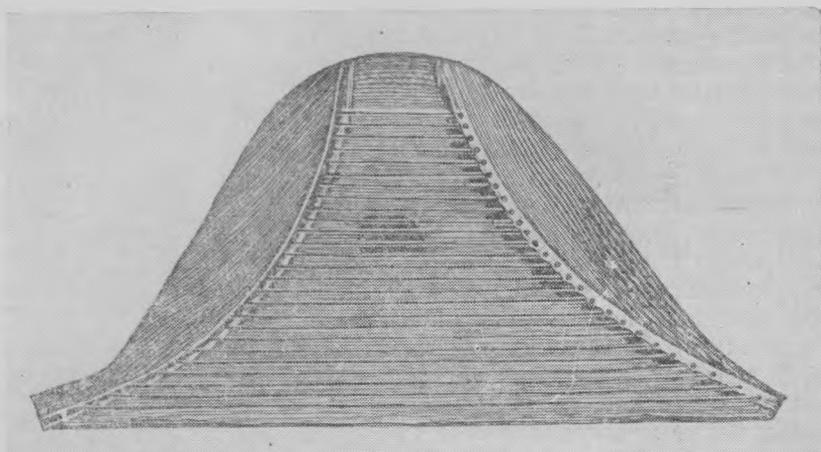

Рис. 10. Русские шлемовидные 26-струнные гусли. Нижний Новгород, XIX в.

попало даже в азбуковники, и за которым охотились, проклинали его, жгли, ломали — этот стертый с лица земли гудок, оказывается, жив!

Нет, в это решительно нельзя было поверить.

Тем временем в далекое село уже поехали музыканты, а вслед за ними — корреспонденты центральных газет⁵². И что же? Культура гудошной игры действительно существует. Более того, как показывают факты, она не прекращалась никогда, и в этом смысле утверждение, будто гудок и искусство игры на нем безвозвратно исчезли несколько столетий назад, к счастью, ошибочно.

А «творится» в с. Сива вот что.

Живет там Иван Михайлович Устинов, 86 лет ему. Бодрый такой, крепкий старик. Он и гудошник, и сам делает инструменты. Побывайте у него в доме, и Иван Михайлович непременно покажет редкий, диковинный инструмент, словно бы сошедший с тяжелых ломких страниц древнерусских книг.

«Скрипка — не скрипка, гитара — не гитара, хотя сходство... и с той, и с другой», — напишет впоследствии охочий до диковинок журналист⁵³.

— Вот, для московского ансамбля сделал, — объяснил Иван Михайлович, любовно поглаживая гудок. — Вспомнили-таки про старину.

⁵² А. Киприянов, Погудало, газ. «Советская Россия», 26 декабря 1974 г.; А. Горюнов, Поет на селе гудок, газ. «Советская культура», 25 февраля 1976 г.

⁵³ А. Киприянов, Указ. раб., стр. 4.

Потом он подойдет к стене, снимет с гвоздика нечто похожее на лук с натянутой тетивой — такие частенько можно видеть у мальчишек, на недоуменный вопрос скажет: «Погудало. Смычок то есть», зажмет странно, необычно гудок меж колен и проведет погудалом по струнам... Что за диво! Вы непременно вздрогнете (как и многие), так как вместо ожидаемых скрипичных звуков... запоет труба. И будет это явление столь диковинным и выходящим из ряда вон, что пройдет немало времени, прежде чем встревоженный слух освободится от тенет колдовства.

А действительно, может быть, гудок потому так и называется, что звук его похож на голос трубы? Может быть глагол «гудеть» нужно понимать в буквальном смысле? В этом еще предстоит разобраться. А каково мнение хозяина?

«Скрипка, скрипка это,— нет ей иного названия»,— досадливо и нетерпеливо ответит Иван Михайлович.

Скрипка! Очень хорошо, что «скрипка», а не «гудок». Этого следовало ожидать. А когда-то, наверное лет 250—300 назад, было обратное: «гудком» называли скрипку. Это когда функции первого перешли ко второй, и скрипка достойно понесла культуру русской смычковой игры через столетия. А гудок? Нет, он не исчез, он «спрятался», чтобы в наши дни «вынырнуть» в далеком уральском селе.

Потом И. М. Устинов неторопливо расскажет о своей жизни, о гудке. «Играть на скрипке я научился давно, еще мальчонкой. Жили мы тогда в глухой деревеньке, и каждый год к нам становился на постой старый охотник. Длинные зимние вечера коротали мы вместе, и он рассказывал удивительные охотничьи были и небылицы, а потом начиналось самое интересное: звучала необыкновенная музыка. Охотник, не помню теперь уж как его звали, научил меня не только играть, но и мастерить скрипки.

И тут пойдет увлекательный обстоятельный рассказ, как правильно сделать гудок. Каждая деталь инструмента требует определенной породы дерева. Гриф, например, вытесывается только из березы, а верхняя и нижняя деки — из ели. Ель считается «поющим» деревом. Длинная и тонкая филенка, соединяющая деки, изготавливается из осины, которая предварительно несколько дней вымачивается для придания ей гибкости. Погудало — смычок — гнется из прутика жимолости, пропаренного в русской печи, и конского волоса.

Когда инструмент готов, его долго нужно сушить: осторожно, не топаясь, и, упаси боже, не у огня; потом натянуть на березовые колки стальные струны, натереть их и смычок смолой-живицей и, — пожалуй-ста — гудите на здоровье.

Отрадно, что нет дыма без огня, что слух о пермском гудке подтвердился. Некоторые фольклорные ансамбли проявили завидную расторопность и немедленно заказали И. М. Устинову эти инструменты. И когда мы услышим — со сцены, по радио, телевидению, в кино — тягуче-трубный голос гудка, а современные Садко грянут всеми возможными и невозможными гусельными переборами, давайте вспомним новгородскую миниатюру, изображающую поющего и приплясывающего скомороха, и мысленно крикнем музыкантам: «Гуди гораздо!».

Рис 11 И. М. Устинов играет на гудке. Село Сива, Пермская область, 1974 г. Фото В. Альбинского